

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-87-104

УДК 091

ЕДИНСТВО И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ КОСМОГОНИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОЭМЕ ЭМПЕДОКЛА*

Магомедов Гамид Абдулганиевич,
*студент 4-го курса Института философии и права
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
vikont.feed@yandex.ru*

Аннотация

Среди древнегреческих философов Эмпедокл является тем, кто попытался создать завершённую картину мира, учитывая знания предшествующих мыслителей. Это целая философская система, которая исследует вечные и истинные принципы и стремится обнаружить причины бытия всех вещей и одновременно объяснить их эмпирическое становление. Это теория космического цикла, вечного чередования, в котором четыре элемента, являющиеся корнями всего сущего – земля, воздух, вода и огонь, – взаимодействуют с противоположными силами Любви и Вражды как в макрокосмической, так и в микрокосмической перспективе. Эмпедокл не отдаёт предпочтение ни одной из четырёх стихий, как делали до него, но отводит каждой из них достойное место. Он вводит действующие силы, при помощи которых объясняет причины появления и разрушения мира, и более того, в его взглядах просматриваются основания будущих представлений о безличном законе. Однако в силу фрагментарности текста поэмы нам непросто воспринять последовательно мысль Эмпедокла. Опираясь на собственные наблюдения и учитывая накопленные предыдущими поколениями ученых знания, автор пытается предложить собственную реконструкцию космогонического процесса, представленного в поэме Эмпедокла. Реконструкция осуществляется с учетом новых фрагментов из Страсбургского папируса, благодаря которому в нашем распоряжении появился довольно длинный и цельный фрагмент текста, вносящий существенный вклад в понимание мысли философа. Акцент в статье делается на физической экспозиции поэмы с применением филологических методов и последующей интерпретацией стихов Эмпедокла. Реконструируется физика единства и множественности в рамках взаимодействия сил Любви и Вражды

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 22-28-00163, «Эмпедокл-физик: исследование естественно-научных фрагментов с переводом и комментарием». – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00163/>

и четырех корней. В статье рассматривается и дидактическая составляющая поэмы, показывающая, что Эмпедокл не мыслит себя отдельно от чувственной природы и что он и его ученик Павсаний осознают свою полную причастность к всеобщему космогоническому процессу.

Ключевые слова: Эмпедокл, Павсаний, космогония, Любовь и Вражда, четыре корня, единство и множественность, цикл, Страсбургский папирус.

Библиографическое описание для цитирования:

Магомедов Г.А. Единство и множественность космогонического процесса в поэме Эмпедокла // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1, ч. 1. – С. 87–104. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-87-104.

Ключевая тема философии Эмпедокла – взаимодействие четырех стихий (огня, воздуха, воды и земли) и двух сил Любви и Вражды как в макрокосмической (космический цикл или регулярное и непрерывное чередование единства и множественности), так и в микрокосмической перспективе (мир живых существ с его разумными соединениями и природными явлениями). Любовь, объединяющей силой которой является ее собственная сила, действует через центростремительную силу, способную коагулировать элементарные массы различной природы, в то время как Вражда через центробежную силу стремится разделить разнородные элементарные массы и тем самым противодействует работе своей соперницы.

232 (B 17,1) δίπλ' ἑρέω· τότε μὲν γὰρ ἔν ἠὺξήθη μόνον εἶναι
233 (B 17,2) ἐκ πλεόνων, τότε δ' αὖ διέφθυ πλεόν' ἐξ ἑνὸς εἶναι.
234 (B 17,3) δοιὴ δὲ θνητῶν γένεσις, δοιὴ δ' ἀπόλειψις·
235 (B 17,4) τὴν μὲν γὰρ πάντων σύνοδος τίκτει τ' ὀλέκει τε,
236 (B 17,5) ἢ δὲ πάλιν διαφθομένων θρεφθεῖσα διέπτῃ.

«Скажу двояко: то одно возросло до единого от многих, то снова многие от одного. Двойственно рождение смертных, двоякое уничтожение: ибо одно соединение порождает и уничтожает, другое [соединение] из прорастающих, стусившись, исчезало»¹.

Общий дискурс обозначен здесь через образ двойственности: двойственность – это не только механизм сил, регулирующих космический цикл, направленный на обеспечение регулярного чередования единства и множественности, не только функционирование становления разумного мира, в рамках которого создание и разрушение соединений гарантиру-

¹ Перевод мой. – Г. М.

ется одновременным действием противоположных сил Любви и Вражды. Двойственность – это прежде всего рассуждения, которые Эмпедокла излагает с двойной и одновременной перспективой.

237 (B 17,6) καὶ ταῦτ' ἀλλάσσοντα διαμπερὲς οὐδαμὰ λήγει,
 238 (B 17,7) ἄλλοτε μὲν Φιλότῃτι συνερχόμεν' εἰς ἓν ἅπαντα,
 239 (B 17,8) ἄλλοτε δ' αὖ δίχ' ἕκαστα φορεύμενα Νείκεος ἔχθει.
 240 (B 17,9) <οὕτως ἦ μὲν ἐν ἓκ πλεόνων μεμάθηκε φύεσθαι>
 241 (B 17,10) ἠδὲ πάλιν διαφύντος ἐνὸς πλέον' ἐκτελέθουσι,
 242 (B 17,11) τῇ μὲν γίνονται τε καὶ οὐ σφισιν ἔμπεδος αἰών·
 243 (B 17,12) ἦ δὲ διαλλάσσοντα διαμπερὲς οὐδαμὰ λήγει,
 244 (B 17,13) ταύτῃ δ' αἰὲν ἕασιν ἀκίνητοι κατὰ κύκλον.

«И эти вещи никогда не перестают непрерывно меняться, как только все они соединились в одно в Любви, снова из-за ненависти [вызываемой] Враждой каждый несетя порознь. И вот, хотя одно научилось рождаться из многих, с разрастанием единого они снова производят многое, они рождаются, и век их недолог; но, с одной стороны, они никогда не перестают непрерывно изменяться, с другой стороны, они всегда существуют неподвижные в цикле»².

В этом фрагменте появляется Филотес (Любовь), чей агрегирующий импульс, возвращая реальность к самой себе, создает устойчивые связи между элементами, кульминацией которых становится образование Сфайроса (это процесс, ведущий от множества к единому). Нейкос (Вражда), со своей стороны, будучи противопоставленным ей, стремится разрушить эту связь, тем самым вновь порождая множественность четырех разделенных и однородных элементов (процесс, ведущий от одного ко многим).

Затем говорится о том, что четыре материальных корня, равные по рождению, имеют, однако, различные прерогативы, в зависимости от своей природы, и попеременно преобладают в цикле:

249 (B 17,18) πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖα καὶ ἠέρος ἄπλετον ὕψος,
 250 (B 17,19) Νεϊκός τ' οὐλόμενον δίχα τῶν, ἀτάλαντον ἀπάντη,
 251 (B 17,20) καὶ Φιλότῃς ἐν τοῖσιν, ἴση μῆκος τε πλάτος τε·
 252 (B 17,21) τὴν σὺ νόωι δέρκευ, μηδ' ὄμμασιν ἦσο τεθηπῶς·
 253 (B 17,22) ἦτις καὶ θνητοῖσι νομίζεται ἔμφυτος ἄρθροις,
 254 (B 17,23) τῇ τε φίλα φρονέουσι καὶ ἄρθμια ἔργα τελοῦσι,
 255 (B 17,24) Γηθοσύνην καλέοντες ἐπώνυμον ἠδ' Ἀφροδίτην·

² Перевод мой. – Г. М.

256 (B 17,25) τὴν οὐ τις μετὰ τοῖσιν ἐλίσσομένην δεδάηκε
 257 (B 17,26) θνητὸς ἀνὴρ· σὺ δ' ἄκουε λόγου στόλον οὐκ ἀπατηλόν.
 258 (B 17,27) ταῦτα γὰρ ἴσά τε πάντα καὶ ἤλικα γένναν ἔασι,
 259 (B 17,28) τιμῆς δ' ἄλλης ἄλλο μέδει, πάρα δ' ἦθος ἐκάστωι,
 260 (B 17,29) ἐν δὲ μέρει κρατέουσι περιπλομένοιο χρόνοιο.

«Огонь и вода, и земля, и безмерная высота воздуха,
 и гибельная Вражда отдельно от них, и во всём равновесная,
 и Любовь в них, равная в длину и в ширину:
 это ты постигни умом и не смотри изумленными глазами
 на ту, о которой смертные говорят, что она естественна их членам,
 благодаря ей они думают о дружеских вещах и делают дела в согласии,
 называя ее Радостью по имени и Афродитой:
 это ее, блуждающую среди них, не знает
 смертный муж; но ты слушай не обманчивый порядок речи.
 Ибо все эти вещи равны как по величине, так и по рождению,
 но по-разному занимают разные должности в соответствии со своим
 характером и поочередно преобладают в повороте цикла»³.

Хотя Любовь, Вражда и корни претерпевают постоянные изменения, они остаются, по сути, неизменными, поскольку все они обладают прерогативами парменидовского бытия: они неизменны и вечны, они не увеличиваются, поскольку ничего не существует вне их, и не могут уменьшаться, поскольку ничто из них не пусто. По сути, они являются «тем, что есть», в отличие от того, что «становится» и поэтому преходяще и подвержено течению времени. Эмпедокл приписывал качества элеатского бытия только первоэлементам (огонь, воздух, вода, земля, Любовь и Вражда) – это истинная и единственная реальность, непорожденная, нетленная, конечная, но не неподвижная, которая, именно в непрерывном изменении, в непрерывном становлении, регулируемом вечной цикличностью, дает жизнь феноменальному миру.

Это рассуждение получает развитие благодаря новым строкам, открытым в составе Страсбургского папируса. В приведенных выше строках 232–236 уже имеется изложение двойной возможности создания материальных соединений в мире, в котором мы живем, то действием Любви, то действием Вражды, – микрокосмический уровень.

После упоминания о том, что элементы, оставаясь неизменными, по сути, могут тем не менее превращаться в самые разнообразные разумные формы, Эмпедокл начинает объяснять, как это может происходить. Прежде всего благодаря совместному действию Любви и Вражды, первая из

³ Перевод мой. – Г. М.

которых обладает склеивающей функцией, а вторая – разделяющей (эти строки доступны в составе Страсбургского папируса):

267 (a(i)6) [... συνερχόμεθ' εἰς ἓνα κόσμον,
268 (a(i)7) [... διέφυ πλέρον' ἐξ ἑνὸς εἶναι

«[... объединяе]мся в единый порядок
[... мног]им из одного быть»⁴.

В межстрочном интервале между ст. 266 и 267 можно увидеть исправления, которые две разные руки предлагают для ст. 267:

267 (a(i)6) [^v ^α
]μεθ' εἰς ἓνε κόσμον

Первой рукой надписана «α» непосредственно над третьим читаемым «ε» в стихе. Это исправление соответствует смыслу всего предложения. Затем второй рукой надписана буква «v» непосредственно над буквой «θ». Окончание слова («μεθ») является окончанием 1-го лица множественного числа, которое второй рукой исправлено, чтобы вернуть причастие среднего рода множественного числа.

Первое лицо множественного числа может показаться странной и неожиданной формой, которая нарушает последовательность причастий среднего рода, наблюдаемую в строках фрагмента В 17 D-K. С другой стороны, если отвергнуть транскрипцию писца в пользу исправления второй руки, то необходимо найти достаточное основание для объяснения того, что привело к воспроизведению формы 1-го лица множественного числа. Хотя Осборн [8, р. 347, 348] указывает на определенную систематичность, с которой второй рукой исправлено каждое «μεθ», встречающееся в тексте, на «μεν», он тем не менее воздерживается от поиска причин, оправдывающих такую систематичность. Не является убедительным и объяснение Алгра и Менсфельда [2, р. 78–81] о том, что «глупая ошибка» писца заключалась в том, что он принял элизию в «συνερχομεν» за активный глагол 1-го лица множественного числа. Как заметил Примавези [11, р. 47], поэма Эмпедокла была переписана в профессиональной мастерской, а переписчик папируса – профессионал, способный распознать элизию⁵.

⁴ Перевод А. С. Афонасиной.

⁵ В работе 2008 года (собственно в издании папируса) Примавези, однако, думает иначе, говоря, что античный переписчик в силу непонимания смысла текста удалил «θ», и поэтому сам Примавези ее восстанавливает. Мансфельд же считает, что «α» вставлена верно у переписчика. Лакс в статье 2002 года настаивает на том, что «α» вставлена правильно, а в издании

Напротив, выбор второй руки для возвращения причастной формы вместо странного 1-го лица множественного числа можно объяснить. В данном случае можно предположить попытку «διορθωτής» нормализовать текст, находящийся перед ним: непрерывная последовательность причастий, отнесенных к элементам, составляющим реальность, менее сложна, чем 1-е лицо, и, кроме того, позволяет избежать резкой смены темы между двумя смежными стихами, описывающими два равных и противоположных процесса.

С. Трепанье [13] выдвинул гипотезу о существовании «формулы объединения», т. е. фиксированного формульного выражения для описания процесса объединения, в котором всегда встречаются либо причастие множественного числа среднего рода, либо единственное число 3-го лица глагола «συνέρχονται». Существование такой формулы позволило бы принять поправку второй руки. Техника повторения отдельных стихов или целых стихотворных последовательностей у Эмпедокла не исключает возможности того, что поэт вставляет в них значительные вариации. Вставка 1-го лица множественного числа в данном случае может быть еще одним примером техники.

Можно предположить, что текст Эмпедокла первоначально содержал 1-е лицо множественного числа, и, следовательно, исправления второй руки должны быть отвергнуты. Другая проблема заключается в том, «кто» или «что» следует понимать как субъект этого 1-го лица множественного числа? Мартин и Примавези [6, р. 83–95] считают, что за использованием «мы» следует видеть личность тех самых виновных и изгнанных даймонов из фрагмента В 115 D-K. Поэтому они предположили, что природа даймона, т. е. той сущности, которая не погибает и осознает свою идентичность, была такой же, как и та, которую уже предположили Корнфорд [4, р. 522–578] и О’Брайен [7, р. 325–336], а именно: говорящий от 1-го лица – это элемент Любви, которая в описанном процессе воссоединяется со своим первоисточником. На неправдоподобность такой интерпретации указывают Лакс [5, р. 130] и ван дер Бен [3, р. 525–544], которые подчеркивают тот факт, что присутствие в тексте «мы» можно объяснить, не ставя под сомнение даймонов и их предполагаемую природу как элементов Любви. Примавези [10, р. 47–57; 12, р. 407, 408], также не убежденный гипотезой Корнфорда и О’Брайена, выдвинул предположение об особой связи между мифической теологией и физической теологией и отождествил субъект 1-го лица множественного числа с нечистыми и смешанными элементами – теми, кто, по существу, является действующими лицами состава разумного существа в космических фазах растущей Любви и растущей Вражды.

фрагментов 2016 года совместно с Мостом принимает чтение Примавези и оставляет «φ», то есть 1-е лицо множественного числа.

С моей точки зрения, чтобы понять, кого имеет в виду Эмпедокл, говоря «мы», достаточно заметить вот что: когда Эмпедокл говорит от 1-го лица, он не делает этого от имени кого-то или чего-то, не намеревается указать на бессмертную сущность, отождествляемую с нечистыми элементами, с частями одного из них или с гармонической смесью всех четырех. Речь от 1-го лица указывает на то, что он говорит о себе и от своего имени. «Мы» означает не что иное, как «ты и я», т. е. «Эмпедокл и Павсаний», что свидетельствует о том, что философ считает себя участником событий цикла как воплощенное существо, а Павсания – как существо из плоти и крови, подверженное тем же изменениям, которым подвержена вся реальность.

Как отмечают издатели [6, р. 180, 181], прямое упоминание Любви и Вражды кажется неизбежным. С одной стороны, этого требует контекст: местоимение «ἐξ ὧν» в ст. 269 явно относится к их совместному действию, которое порождает все продукты реального мира. С другой стороны, это также кажется оправданным словесной близостью к другим местам, где упоминаются обе силы (В 21, 7–12 D-K).

В начале ст. 268 Мартин и Примавези предложили вернуть существительное женского рода «ἔχθρη» как ссылку на силу Вражды. Предложение интегрировать «ἐν δὲ ἔχθρη» было основано на наблюдении, что женский род был необходим, по их мнению, в соответствии с «[ἐ]ν τῆι» в ст. 273. Местоимение женского рода фактически вводит раздел, в котором описывается быстрое движение элементов, что, по мнению Мартина и Примавези, может быть понятным только при допущении ссылки на момент максимальной силы Вражды. В действительности, однако, существительное женского рода «ἔχθρα» не засвидетельствовано в сохранившихся фрагментах Эмпедокла, который всегда упоминает силу Вражды с помощью существительных среднего или мужского рода. Метод издателей по реконструкции эмпедокловых стихов в этом месте очень ясен: это уже сформированная гипотеза о философской системе. Вместо того чтобы искать необычное существительное, можно предположить, что местоимение женского рода относится, как это было бы естественно, к Любви. На самом деле если отказаться от убеждения, что теория двух космосов найдет подтверждение в новом материале и что мир Вражды действительно будет засвидетельствован в нем, то можно признать тот факт, что описание микрокосмоса в этих стихах также хорошо согласуется с описанием единого космоса, который появился в период растущей Любви. Согласно информации, которая вытекает из стихов папируса 288 и 289⁶, Эмпедокл определенно говорил о чувственном мире внутри космической фазы, в которой Любовь из центра вихря возвращается, чтобы расширяться между элементами и

⁶ «Но когда Вражда достигла крайних глубин круговорота, в середине вихря появляется Любовь» [1, с. 49].

создавать устойчивые связи между разнородными массами, а Вражда, пытаюсь помешать этому процессу, действует с разделительной силой на периферии вихря. Я считаю, что при отсутствии дополнительных данных честнее предположить, что этот случай также представляет собой углубленное изложение этой космической фазы.

Рассмотрим следующий фрагмент В 21 D-K, несколько строк которого известны из трудов Аристотеля (Met. II, 4, 1000a, с. 29–32), но большая часть сохранена Симпликием (In Physics, с. 159):

ἀλλ' ἄγε, τόνδ' ὄρων προτέρων ἐπιμάρτυρα δέρκευ,
εἴ τι καὶ ἐν προτέροισι λιπόξυλον ἔπλετο μορφῆι,
ἠέλιον μὲν λευκὸν ὄραν καὶ θερμὸν ἀπάντηι,
ἄμβροτα δ' ὅσσ' εἶδει τε καὶ ἀργέτι δεύεται ἀγῆι,
ὄμβρον δ' ἐν πᾶσι δνοφόντά τε ῥιγαλέον τε·
ἐκ δ' αἴης προρέουσι θελεμνά τε καὶ στερεωπά.
ἐν δὲ Κότῳ διάμορφα καὶ ἀνδιχα πάντα πέλονται,
σὺν δ' ἔβη ἐν Φιλότῃ καὶ ἀλλήλοισι ποθεῖται.
ἐκ τούτων γὰρ πάνθ' ὅσα τ' ἦν ὅσα τ' ἔστι καὶ ἔσται,
δένδρεά τ' ἐβλάστησε καὶ ἀνέρες ἠδὲ γυναῖκες,
θῆρες τ' οἰωνοὶ τε καὶ ὕδατοθρέμμοι ἰχθῦς,
καὶ τε θεοὶ δολιχαίωνες τιμῆισι φέριστοι.
αὐτὰ γὰρ ἔστιν ταῦτα, δι' ἀλλήλων δὲ θεόντα
γίγνεται ἀλλοιωπά· τόσον διὰ κρήσις ἀμείβει.

«Посмотри на свидетеля сказанных ранее слов,
если что-то в них оказалось слабо выражено,
солнце ярко светит и пылает повсюду,
и все небесные тела купаются в тепле и ослепительном свете,
а дождь мрачный и ледяной,
и из земли поднимаются основания и опоры.
В Злобе они различны по форме и движутся порознь,
сходясь в Любви, они стремятся друг к другу.
От них всё, что было, есть и будет,
вырастают деревья, мужчины, женщины,
звери, птицы, рыбы, обитающие в воде,
и самые почитаемые боги-долгожители.
Это вещи, которые есть, и, проходя друг через друга,
они становятся другими вещами: столь великое изменение производит
смесь»⁷.

⁷ Перевод мой. – Г. М.

Строки 10–12 этого фрагмента идентичны тем, которые засвидетельствованы Аристотелем и Страсбургским папирусом. Только строка 9 в издании D-K отличается по формулировке от соответствующего стиха папируса, который вместо этого выглядит почти идентично аристотелевской цитате⁸. Именно близость стихов в записи Аристотеля и стихов, переписанных Симпликием, заставила ученых в прошлом предположить, что они цитируют один и тот же отрывок из Эмпедокла, и, соответственно, реконструировать один фрагмент, а именно В 21 D-K. Небольшие отклонения в цитируемом тексте, и особенно несоответствие между контекстом, сохраненным Симпликием, и комментарием Аристотеля, привели к предположению, что Аристотель был ненадежным свидетелем. Разумно в таком случае считать точной только цитату из Симпликия, которая также давала контекст стихов с большей полнотой и точностью и, таким образом, позволяла интерпретацию, не запятнанную отношением Аристотеля. Однако, поскольку на самом деле оба автора цитируют два разных отрывка из Эмпедокла, стоит рассмотреть, соответствует ли теперь интерпретация Аристотелем стихов Эмпедокла новому контексту.

Аристотель вводит цитату, утверждая, что Эмпедокл ошибается, когда приписывает Вражде творческую роль (Met. 1000a, с. 28–31). Далее он утверждает, что Любовь парадоксальным образом действует и в разрушительном смысле (Met. 1000b, с. 8–13), а сразу после цитирования соответствующих стихов поясняет, что, если бы не было Вражды в вещах, они бы воссоединились в едином (Met. 1000b, с. 1, 2). Действительно, в папирусе говорится о порождении соединений, которое происходит благодаря одновременному действию Любви и Вражды (ст. 269). Последняя, кроме того, предотвращая объединение (ст. 267) и создавая множественность (ст. 268), закладывает фактическую основу для любого будущего творения. Таким образом, на основании Страсбургского папируса можно реабилитировать авторитет Аристотеля.

В любом случае это необходимо для того, чтобы другие, более современные, гипотезы не фальсифицировали данные, совершая ту же ошибку, которую приписывают Аристотелю, а именно использование стихов более ранних философов для оправдания своих личных интерпретаций. В этом смысле часто замечали, вопреки тем же данным, что мы только что видели у Аристотеля, что аристотелевский комментарий имел бы смысл, только если бы стихи Эмпедокла были взяты из контекста, в котором рождение смертных существ описывалось в период растущей Вражды, то есть в космический период после разрушения Сфайроса⁹ [6, с. 88, 89]. Эта ин-

⁸ Аристотель (Met. II, 4, 1000a, с. 29–32): ἐξ ὧν πάνθ' ὅσα τ' ἦν ὅσα τ' ἔσθ' ὅσα τ' ἔσται ὀπίσσω; Симпликий (In Physics, с. 159): ἐκ τούτων γὰρ πάνθ' ὅσα τ' ἦν ὅσα τ' ἔστι καὶ ἔσται.

⁹ По поводу их интерпретации отрывка, процитированного Аристотелем, довольно критично высказался С. Трепанье [13, р. 34, 35].

терпретация, следовательно, подразумевает, что Эмпедокл фактически постулировал и описал две космогонии в рамках одного космического цикла. До тех пор, пока аристотелевское свидетельство считалось недостоверным, учитывая расхождение с Симпликием, его можно было одновременно избегать в пользу такой гипотезы. Но теперь, когда мы уверены в его положительном значении, мы вправе предположить, что в этом месте папируса Эмпедокл описывает фазу космического цикла, известную как растущая Вражда, с вытекающей из него космогонией. Я хотел бы также отметить, что гипотеза о космогонии в период растущей Вражды никак не может быть выведена из слов Аристотеля, который говорит о творческой роли Вражды на том основании, что только ей принадлежит prerogative закладывать основы будущих соединений, разрушать Сфайрос и восстанавливать множественность.

Теперь более подробно рассмотрим следующие стихи:

- 273 (a(ii)3) [ἐ]ν τῆι δ' αἴσσοντα [διαμπ]ερὲς οὐδ[αμὰ λήγει]
 274 (a(ii)4) [π]υκνῆσιν δίνησι[iv]¹⁰
 275 (a(ii)5) [ν]ωλεμές, οὐδέ πο[τ'
 276 (a(ii)6) [πολλ]οὶ δ' αἰῶνες πρότερ[οι
 277 (a(ii)7) [πρὶν] τούτων μεταβῆνα[ι
 278 (a(ii)8) [πά]ντηι δ' αἴσσοντα [διαμπ]ερὲς οὐδ[αμὰ λήγει]
 279 (a(ii)9) [οὔ]τε γὰρ ἥλιος Τ[ι]την ο[ὔ]τ' ἄπλετος αἰθήρ]
 280 (a(ii)10) [ὄρ]μη<i> </i> τηδε γέμον[τ
 281 (a(ii)11) [οὔ]τε τι τῶν ἄλλων[
 282 (a(ii)12) [ἀλ]λά μεταλλάσσον[τ' αἴσσ]εῖ κύκλωι [γε κελεύθους.]

«В ней (?) они не перестают непрерывно волноваться
 с плотными вихрями ...
 беспрестанно, и никогда,
 но много раз раньше
 прежде, чем они изменились,
 Отовсюду не прекращается непрерывное движение:
 И ни солнце
 ...
 ни один из других (элементов?)
 но бегут по кругу, обмениваясь своими путями»¹¹.

¹⁰ Можно предположить, что здесь упоминается стихия воздуха, с которой часто ассоциируются плотные вихри, как, например, во фрагменте 11 D-K: «ὁ δ' αἰθέρος ἔμβαλε δίναις». В этих стихах, как и в последующих, Эмпедокл подчеркивает разложенное движение всех элементов: упоминание солнца, небесных тел и земли предполагает, что другие элементы также были явно упомянуты.

¹¹ Перевод мой. – Г. М.

Несмотря на лакуны в этих стихах, не позволяющие в полной мере оценить экспозицию, ясно, что здесь описывается очень динамичная ситуация, в которой снова задействованы четыре элемента. Именно описание такого возбуждения заставило ранних издателей считать, что этими стихами Эмпедокл описывает космическую фазу, непосредственно предшествующую диализу космоса, кульминацией которого является очень возбужденное движение четырех концентрических и отдельных элементарных масс, движение, которое, согласно Примавети, можно прочесть в следующих за ними стихах. Однако такая интерпретация представляет некоторые трудности: во-первых, ссылка на элемент Вражды, прочитанная первыми издателями в «ἐν τῆι» ст. 273, неубедительна, поскольку во фрагментах Вражда не упоминается в женском роде. Кроме того, в следующих стихах, особенно в ст. 282, выражение «μετάλλασσοντα ... καλεῖθους» относится к образованию многочисленных разумных соединений из элементов, которые постоянно «обмениваются чувствами», а не к быстрому движению их, когда они собираются вместе, чтобы сформировать однородные и концентрические массы, как считают Мартин и Примавети.

Можно интерпретировать эти стихи как дальнейшее углубление дискурса, а именно как описание формирования чувствующих соединений, т. е. живых существ, через противоположное действие Любви и Вражды. Действительно, сильное волнение и последующие изменения хорошо подходят для изображения мира живого, поля битвы двух движущих сил и сцены, на которой постоянно рождаются и изменяются самые разнообразные формы материальных соединений. Я придерживаюсь мнения, что описанное здесь взволнованное движение относится не столько к фазам, непосредственно предшествующим полному разрушению космоса, как считают издатели, сколько, напротив, к самым ранним этапам формирования мира. Любовь из центра вихря возвращается, чтобы расшириться между элементами и создать устойчивые связи между разнородными массами, в то время как Вражда пытается обуздать ее, действуя с периферии вихря. Очевидно, что мы имеем дело с фазой, непосредственно следующей (а не предшествующей) за диализом космоса. Возбужденное и хаотичное движение элементарных масс, образующих мир, вполне соответствует космическому периоду, где сила Любви еще слишком слаба, чтобы гарантировать совершенную неподвижность между элементами, которая будет достигнута лишь в конце только что начавшегося процесса, а именно при образовании Сфайроса. То, что на самых ранних этапах формирования космоса и его живых существ элементарные массы имели конфигурацию, отличную от нынешней, подтверждают и некоторые фрагменты косвенной традиции, например фрагмент В 154 D-K. Приведенная в нем цитата из Плутарха является рациональным объяснением того, почему

первые поколения людей употребляли в пищу мясо. Причина, по словам Плутарха, кроется в состоянии бедности и нищеты, которому они были подвержены из-за иного физического устройства мира. В те времена, по словам Плутарха, «воздух еще покрывал небо и звезды», «он был пропитан мутной и сбивчивой влагой, огнем и дыханием ветров; солнце еще не было в безопасности без риска сбиться с пути, у него еще не было твердого пути»¹². То, что описываемый здесь космос – это космос, сформировавшийся в период растущей Любви (если предположить, что существует и другой, находящийся в противоположной фазе), следует из того факта, что, согласно Плутарху, ранние люди жили в худших условиях, нежели его современники. В рамках космического цикла такое свидетельство исключает любую ссылку на предполагаемую космогонию в период растущей Вражды, которая характеризовалась бы инволюцией от более процветающего и счастливого прошлого (поскольку вскоре после разрушения Сфайроса всё в мире еще подвергалось мощному и благотворному влиянию Любви) к полной потере процветания. Контекст цитаты Плутарха, скорее всего, относится к космосу в период растущей Любви, в начальной фазе которого сила Вражды, последовавшая за диализом космоса, должна была быть еще настолько сильной, что не позволяла создать стабильные структуры материи. Напротив, самые ранние этапы формирования огромных масс элементов в нашем мире должны были характеризоваться быстрым и вихревым движением, подобным тому, в котором участвовали четыре чистых, неоднородных корня.

Согласно моей интерпретации, строки 283–290 также представляют собой наиболее точное описание того, что происходит, когда элементы, обмениваясь путями друг с другом, начинают давать жизнь соединениям материального мира: Земля, а также Солнце (и то же самое предполагается для воздуха и воды, ссылки на которые можно понять по пробылам в предыдущих строках 272–283) бегут («θέειν») по пути друг друга (ст. 283–285), достигая таким образом самых разнообразных мест (ст. 286). Это происходит в тот момент, когда Вражда достигает глубин вихря и центростремительная сила Любви из центра пытается воссоздать Сфайрос (ст. 289) с четкой ссылкой на точную космическую фазу, скорее всего единственную, на которой произошло зарождение разумного мира.

283 (a(ii)13) [ἄλλο]τὲ μὲν γὰρ γαῖ(α) [ἀβ]ἄτη θεῖι ἠέλ[ίου τε]

284 (a(ii)14) [σφαῖρα,] τόσην δὲ κα[ί ν]υν ἐπ' ἀνδράσι τ[εκμήρασθαι·]

285 (a(ii)15) [ὡς δ' α]ὔτως τὰδ[ε π]άντα δι' ἀλλήλων [γε θεόντα]

¹² ἔτι μὲν οὐρανὸν ἔκρπτεν ἀήρ καὶ ἄχτρα, θολερῶι καὶ δυσδιαστατοῦντι πεφυρμένος ὑγρῶι καὶ πυρὶ καὶ ζάλαϊς ἀνέμων. Οὕτω δ' ἥλιος ἴδρυτο ἀπλανῆ καὶ βέβαιον ἔχων δρόμον (Перевод мой. – Г. М.)

- 286 (a(ii)16) [πολλο]ύς τ(ε) ἀλλ[οίους] τε τόπους πλαγ[χθέντ' ἰκάνει]
 287 (a(ii)17) [αὐθάδη·]μεζάτους τ[' εἴσε]ρχόμεθ' ἐν μ[όνον εἶναι,]
 288 (a(ii)18) [ὅτ]ε δὴ Νεῖκος [τ' ἀνυ]πέρβατα βέν[θε ' ἴκηται]
 289 (a(ii)19) δ[ίνης], ἐν δὲ μέσ[ηι] Φ[ιλ]ότης στροφά[λιγγι γένηται,]
 290 (a(ii)20) ἐν [τῆι] δὴ τάδε πάντα συνέρχεται ἐν [μόνον εἶναι]

«Поскольку бежит непроходимая Земля и Солнце,
 Сфера такая большая, как она сейчас видится людям.
 Так все они поступают, когда пробегают друг через друга,
 И, блуждая, каждый достигает другого места...
 В середине мы сходимся, чтобы быть всецело одним.
 Но когда Вражда достигла крайних глубин
 Кружоворота, в середине вихря появляется Любовь,
 В ней они сходятся вместе, чтобы быть всецело одним»¹³.

Последние три строки реконструированы на основании сходства с теми, которые известны из фр. В 35, 3–5 D-K. Они встречаются в рукописной традиции в следующей форме:

αὐτὰρ ἐγὼ παλίνορσος ἐλεύσομαι ἐς πόρον ὕμνων,
 τὸν πρότερον κατέλεξα, λόγου λόγον ἐξοχτετεύων,
 κεῖνον· **ἐπεὶ Νεῖκος μὲν ἐνέρτατον ἴκετο βένθος**
δίνης, ἐν δὲ μέσῃ Φιλότης στροφάλιγγι γένηται,
ἐν τῆι δὴ τάδε πάντα συνέρχεται ἐν μόνον εἶναι

«Что касается меня, то я с новой силой пойду по пути песен,
 которые я указал ранее, черпая речь
 из речи таким образом: когда Вражда достигла непроходимой глубины
 вихря, Любовь родилась в середине вихря,
 все эти вещи объединяются в ней, чтобы стать одним»¹⁴.

Как видно, Эмпедокл заявляет, что он снова возвращается к ранее рассмотренному дискурсу. Такое открытое заявление побудило Панцербите-ра предположить, что стихи 3–5 представляют собой буквальное повторение другого эмпедокловского места, самоцитирование поэта: «mit denselben Worten, wie früher» [9, p. 30]. Папирус, по-видимому, подтверждает его блестящую интуицию.

В ст. 287 Примавети [10, p. 22] добавляет отрицание, поскольку, согласно его интерпретации, Эмпедокл здесь описывает фазу диализа космоса,

¹³ Перевод А. С. Афонасиной.

¹⁴ Перевод мой. – Г. М.

т. е. когда элементы достигают «естественных мест», чтобы стать однородными и компактными массами. На этой стадии не может случиться так, чтобы элементы объединились в Любви и стали единством. Выражение «μεσάτους ... ἐν μόνον εἶναι» указывает на макрокосмический процесс агрегации к единству, т. е. на космическую фазу, ведущую от многих к единому. Поэтому можно понять, почему, по его мнению, отрицание абсолютно необходимо. Интерпретация Примавези, т. е. прочтение ссылок на диализ космоса, однако, вызывает трудности. Ибо какой смысл имело бы 1-е лицо множественного числа в то время, когда не существует ни одного разумного соединения, на стадии, когда нет места ни для Эмпедокла, ни для других живых существ? Следует отметить, что такое наблюдение отнюдь не тривиально, поскольку Эмпедокл использует «мы» для обозначения фазы цикла растущей Любви (когда существуют живые существа, способные воссоединиться в Сфайросе), тогда как для описания противоположной фазы поэт отказывается от 1-го лица множественного числа, также резко меняя тему.

Поэтому следует заключить, что фаза, которую Эмпедокл здесь описывает, – это именно фаза растущей Любви, когда есть место для формирования космоса и его чувствующих, живых продуктов. Мне кажется, что в этом отрывке Эмпедокл еще раз подчеркивает, что непрекращающееся и, казалось бы, случайное движение стихий является таковым именно потому, что Любви, которая пытается воссоединить всю реальность с собой, мешают в этом действии ее соперники, угрожающе занявшие крайние места вихря.

Фрагменты Страсбургского папируса, являющиеся непосредственным продолжением строк фрагмента В 17 D-K, дали возможность прочесть не только самый длинный фрагмент Эмпедокла, но прежде всего сердце физического дискурса в его философии. Подобно тому как фрагмент В 17 D-K представляет собой общее изложение функционирования на уровне макрокосмоса четырех порождающих элементов, подчиненных силе Любви и Вражды, строки, сохранившиеся в Страсбургском папирусе, представляют собой описание в общих чертах функционирования тех же факторов в микрокосмической перспективе, т. е. присущих нашему разумному миру, его соединениям и явлениям. Папирус, таким образом, является углублением описания двойной роли Любви и Вражды в мире как в смысле их одновременности в космогоническом процессе, так и в смысле их чередования, также регулярного, в создании и разрушении живых организмов.

Говоря, что элементы, оставаясь всегда, по сути, неизменными, могут тем не менее превращаться в самые разнообразные разумные формы (ст. 265 и 266), Эмпедокл начинает объяснять, как такое возможно: это происходит прежде всего благодаря совместному действию Любви и Вражды

(ст. 267 и 268), первая пытается вернуть всё к единству, вторая устанавливает множественность. Таким образом, четыре элемента периодически соединяются и разделяются, образуя всё материальное на земле (ст. 269–271). Как поле битвы противоборствующих сил Любви и Вражды, в нашем мире царит крайнее возбуждение и движение. Это состояние беспорядка будет наиболее интенсивным в начале расширения Любви между однородными и концентрическими массами (когда, как можно предположить, сначала произошло формирование космических масс, а затем их расположение таким образом, какими они наблюдаются сейчас), а затем будет постепенно уменьшаться в интенсивности, пока не исчезнет в момент формирования Сфайроса. Эта динамичная жизнь космоса упоминается в описании взволнованного движения, которое мы читаем в ст. 272–275, а быстрым «погружением в прошлое» (ст. 276 и далее) Эмпедокла, вероятно, хотел сослаться на самые первые дни жизни мира, когда Земля еще не была кальцинирована, а Солнце не имело постоянного пути. Мы находимся в фазе растущей Любви, в период, когда центростремительная сила действует на нас, чтобы вернуть к единству, как Любовь из центра вихря расширяется среди элементов и заставляет их достигать самых разных мест (ст. 285–290) и при этом объединяться или разделяться, образуя разумные соединения и живые существа.

Литература

1. Страсбургский папирус Эмпедокла / предисл., пер. и коммент. А.С. Афонасиной. – Новосибирск: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ: Офсет-ТМ, 2021. – 128 с.
2. *Algra K., Mansfeld J.* Three Thêtas in the “Empédocle de Strasbourg” // *Mnemosyne*. – 2001. – Vol. 54, N 1. – P. 78–81.
3. *Ben N. van der.* The Strasbourg Papyrus of Empedocles: Some Preliminary Remarks // *Mnemosyne*. – 1999. – Vol. 52, N 5. – P. 525–544.
4. *Cornford F.* Mystery Religions and Pre-Socratic Philosophy // *Cambridge Ancient History*. Vol. 4. – Cambridge, 1926. – P. 522–578.
5. *Laks A.* Reading the Readings: On the First Person Plurals in the Strasbourg Empedocles // *Presocratic Philosophy: Essays in Honour of Alexander Mourelatos* / ed. by V. Caston and D.W. Graham. – Burlington: Ashgate, 2002. – P. 127–138.
6. *Martin A., Primavesi O.* L’Empédocle de Strasbourg (P. Strasb. gr. Inv. 1665–1666): Introduction, édition et commentaire. – Strasbourg; Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1999. – 407 p.
7. *O’Brien D.* Empedocles’ Cosmic Cycle. A Reconstruction from the Fragments and Secondary Sources. – Cambridge: Cambridge University Press, 1926. – 459 p.
8. *Osborne C.* Rummaging in the rubbish bins of Upper Egypt. A discussion of A. Martin and O. Primavesi, L’Empédocle de Strasbourg // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. – 2000. – Vol. 18. – P. 329–356.

9. *Panzerbieter F.* Beiträge zur Kritik und Erklärung des Empedokles // Einladungs-Programm des Gymnasium Bernhardinum in Meiningen. – Meiningen, 1844. – P. 1–35.
10. *Primavesi O.* Empedokles Physika I: Eine Rekonstruktion des zentralen Gedankengangs. – Berlin: Walter de Gruyter, 2008. – 84 p. – (Archiv Für Papyrusforschung und Verwandte Gebiete. Beihefte; 22).
11. *Primavesi O.* La daimonologia della fisica empedoclea // *Aevum Antiquum*. N. S. – 2001. – Vol. 1. – P. 3–68.
12. Die Vorsokratiker / Ausgewählt, übersetzt und erläutert von Jaap Mansfeld und Oliver Primavesi. – Stuttgart: Reclam, 2011. – P. 392–563.
13. *Trepanier S.* We' and Empedocles' Cosmic Lottery: P. Strasb. Gr. Inv. 1665–1666, Ensemble A // *Mnemosyne*. – 2003. – Vol. 56, N 4. – P. 385–419.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022.

Статья прошла рецензирование 09.01.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-87-104

THE UNITY AND MULTIPLICITY OF THE COSMOGONIC PROCESS IN EMPEDOCLES' POEM*

Magomedov, Gamid,*4th year student of the Institute of Philosophy and Law**Novosibirsk State University,**1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

vikont.feed@yandex.ru

Abstract

Among the ancient Greek philosophers Empedocles is the one who attempted to create a complete picture of the world, taking into account the knowledge of the thinkers who preceded him. It is an entire philosophical system that explores eternal and true principles and seeks to discover the causes of the being of all things and at the same time to explain their empirical becoming. It is a theory of the cosmic cycle, an eternal alternation in which the four elements that are the roots of all things—earth, air, water and fire—interact with the opposing forces of Love and Enmity, both in macrocosmic and microcosmic perspective. Empedocles does not give preference to any of the four elements, as had been done before him, but gives each of them their proper place. He introduces acting forces, by means of which he explains the reasons for the appearance and destruction of the world, and, moreover, in his views one can see the foundations of future conceptions of an impersonal law. Because of the fragmentary nature of the poem's text, however, it is still not easy for us to grasp Empedocles' thought consistently. Based on his own observations and taking into account the knowledge accumulated by previous generations of scholars, the author tries to offer his own reconstruction of the cosmogonic process presented in Empedocles' poem. The reconstruction is carried out taking into account new fragments from the Strasbourg papyrus, thanks to which we have at our disposal a rather long and coherent piece of text, which makes a significant contribution to understanding the philosopher's thought. The emphasis of the article is on the physical exposition of the poem with the application of philological methods and the subsequent interpretation of Empedocles' verses. The physics of unity and multiplicity within the interaction of the forces of Love and Enmity and the four roots is reconstructed. The article also considers the didactic component of the poem, showing that Empedocles does not think of himself as separate from sensual nature, and that he and his disciple Pausanias are aware of their full involvement in the universal cosmogonic process.

Keywords: Empedocles, Pausanias, cosmogony, Love and Strife, four roots, unity and multiplicity, cycle, Strasbourg papyrus.

* The study was funded by the grant from the Russian Science Foundation no. 22-28-00163, "Empedocles the Physicist: A Study of Natural Science Fragments with Translation and Commentary". Available at: <https://rscf.ru/project/22-28-00163/>

Bibliographic description for citation:

Magomedov G. The Unity and Multiplicity of the Cosmogonic Process in Empedocles' Poem. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 1, pt. 1, pp. 87–104. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-87-104.

References

1. Afonasina A.S., transl. *Strasburgskii papirus Empedokla* [The Strasbourg Papyrus of Empedocles]. Novosibirsk, Centre for Ancient Philosophy and the Classical Tradition of the Novosibirsk State University Publ., 2021. 128 p.
2. Algra K., Mansfeld J. Three Thêtas in the “Empédocle de Strasbourg”. *Mnemosyne*, 2001, vol. 54, no. 1, pp. 78–81.
3. Ben N. van der. The Strasbourg Papyrus of Empedocles: Some Preliminary Remarks. *Mnemosyne*, 1999, vol. 52, no. 5, pp. 525–544.
4. Cornford F. Mystery Religions and Pre-Socratic Philosophy. *Cambridge Ancient History*. Vol. 4. Cambridge, 1926, pp. 522–578.
5. Laks A. Reading the Readings: On the First Person Plurals in the Strasbourg Empedocles. *Presocratic Philosophy: Essays in Honour of Alexander Mourelatos*. Burlington, Ashgate, 2002, pp. 127–138.
6. Martin A., Primavesi O. *L'Empédocle de Strasbourg (P. Strasb. gr. Inv. 1665–1666): Introduction, édition et commentaire*. Strasbourg, Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1999. 407 p.
7. O'Brien D. *Empedocles' Cosmic Cycle. A Reconstruction from the Fragments and Secondary Sources*. Cambridge, Cambridge University Press, 1926. 459 p.
8. Osborne C. Rummaging in the rubbish bins of Upper Egypt. A discussion of A. Martin and O. Primavesi, *L'Empédocle de Strasbourg*. *Oxford Studies in Ancient Philosophy*, 2000, vol. 18, pp. 329–356.
9. Panzerbieter F. Beiträge zur Kritik und Erklärung des Empedokles. *Einladungs-Programm des Gymnasium Bernhardinum in Meiningen*. Meiningen, 1844, pp. 1–35.
10. Primavesi O. *Empedokles Physika I: Eine Rekonstruktion des zentralen Gedankengangs*. Berlin, Walter de Gruyter, 2008. 84 p.
11. Primavesi O. La daimonologia della fisica empedoclea. *Aevum Antiquum*. N. S., 2001, vol. 1, pp. 3–68.
12. Mansfeld J., Primavesi O., eds. *Die Vorsokratiker*. Stuttgart, Reclam, 2011, pp. 392–563.
13. Trepanier S. We' and Empedocles' Cosmic Lottery: P. Strasb. Gr. Inv. 1665–1666, Ensemble A. *Mnemosyne*, 2003, vol. 56, no. 4, pp. 385–419.

The article was received on 11.12.2022.

The article was reviewed on 09.01.2023.